

ПРОМЫСЛЫ БОЖЬИ

Астахов Павел. Простые чудеса. Чудо на войне. — М. : Сретенский монастырь, 2025. — 480 с. : ил.

Со школьных лет многим из нас знакомы слова классика: "В жизни всегда есть место подвигу". И мы знали об этих подвигах. О них говорили, воспевали людей, их совершивших. Знали: не обязательно подвиг — удел военных. Мирное время, но вот рабочие запустили в строй завод, электростанцию, космонавты взмыли в небеса, строители ликвидировали последствия Чернобыльской аварии, лётчики отгели от города неисправный самолёт: "Пускай мы погибнем, но город спасём". Школьник, увидев провалившихся под лёд тонущих малышей, бросился и спас их, рискуя жизнью...

И каждый знал, что в жизни есть место чуду. И если подвиг не каждому удавалось совершить, даже быть свидетелем подвига не всякому посчастливилось, то чудо случалось в жизни, наверное, каждого человека. Чудо бывает явлено, но не очевидно. О чудном подвиге ты знаешь, а в чудное чудо ты веришь, потому что и у тебя оно случалось. Хотя и восклицашь порой: "Быть того не может!"

Чудо даётся и неверующему — во вразумление. И верующему — в укрепление веры. Чудо — от Бога. Но Он даровал нам это ощущение, когда невозможное возможно. Если человек — по образу и подобию, то и чудо ему может быть явлено, может быть сотворено им. Расхожее выражение: "На войне не верующих нет". По рассказам фронтовиков Великой Отечественной войны, что едва ли не каждый на войне был свидетелем чуда, и многие бывшие атеистами после случившегося с ними уверовали, поняли, что есть сила над нами.

Автор книги "Чудо на войне" Павел Астахов — заслуженный юрист РФ, писатель, журналист, ведущий православного телеканала "Спас" — создал уникальную книгу, в которой собрал свидетельства о чуде на войнах. Ранее широко известность получила его книга "Простые чудеса", где он рассказал о случаях своей и не только своей жизни, которые кроме как чудом и назвать нельзя. Книга захватывающая, какие-то истории на грани "Не верю!" А

какие-то — попросту откровения: чудесное — вокруг нас! Мы порой не понимаем, что с нами произошло чудо. Судьбоносная встреча, когда ничто её не предвещало, чудесное спасение, когда человек уже отчаялся...

И вот новые "Простые чудеса" — "Чудо на войне". Порой зная об известном человеке, казалось бы, всё, ты почти случайно узнаёшь детали биографии, историю его семьи, что открывает для тебя личность ещё более незаурядную, чем ранее считал. Так, не всякий, кто знает Астахова, в курсе, что на СВО ушёл сын Павла Алексеевича, продолжая славную династию защитников Родины, что сам он включился в борьбу за Новороссию с самого начала этой борьбы. "Когда в Донбассе начались военные действия, я не мог остаться в стороне. В 2015 году я ещё работал уполномоченным по правам ребёнка и кинул клич по своим друзьям и знакомым — тогда мы все объединились ради того, чтобы включиться в работу большой гуманитарной миссии".

Этой миссией были не только КамАЗы, гружённые необходимыми борющемуся Донбассу вещами, но и спасение детей из разгромленной больницы в Славынке, возвращение домой девочки Ани, приехавшей на каникулы к бабушке и оказавшейся "за линией фронта".

ЖАНР КНИГИ трудно определить, поставить в какие-то рамки. Это описание современных, злободневных событий? Да. Это исторический труд? Верно. Это документальное свидетельство? Да. Это образное повествование? Тоже верно. Разделы и главы книги говорят сами за себя: "Чудеса на передовой", "На войне атеистов нет", "Бойцы "святых" батальонов о чудесах на передовой", "Рождённый в рубашке", "Промысел Божий в спасении бойца", "Чудеса на СВО. Истории разных бойцов"... А порой короткое название главы — это описание судьбы: "Мастер боевых искусств в облачении священника".

Павел Астахов постоянно выезжает на фронт, снимает фильмы, доставляет помощь, встречается с бойцами, которые делаются пережитым. "Особенно запомнился случай, про который мне рассказали ребята из батальона "Восток". К ним на передовую привезли список Бахуринской иконы

Божьей матери "Умягчение злых сердец"... Едва оказавшись на фронте, икона сразу замороточила прямо на глазах собравшихся солдат. А когда они стояли и молились возле неё, внезапно начался сильнейший обстрел "Градами". И вот бойцы видят, как прямо к ним летит эта "градина", и ничего уже тут не сделаешь. Тогда они просто продолжили молиться. И вдруг ракета делает разворот под 90 градусов и улетает куда-то в сторону... Они у себя в штабе на стене написали: "Здесь произошло чудо во время молебна у мироточивой иконы Донецкой "Умягчение злых сердец".

"Молодого бойца отправили в экипаж БТР, и он в башне своей машины наклеил бумажную Казанскую икону Богородицы... Однажды они ехали, меняя позицию, и в них прилетел вражеский снаряд. Он попал в башню, прямо в то место, где с обратной стороны скотчем была приклеена эта икона. Снаряд должен был пробить металл кабины и убить всех, но он... просто отскочил!" Если среди очевидцев тех событий и были атеисты, то они сменили убеждения безо всяких дополнительных увещаний.

Да, в жизни есть место чуду. И чудо сопровождало воинов на протяжении истории. Описанию таких чудес посвящён раздел "Святые воины древности" — главы "Архангел Михаил", "Иисус Навин", "Преподобный Арсений Латрийский"...

Особое внимание в книге уделено чудесам на войнах, которые пришлось вести нашей стране. "От Первой мировой до Чеченской": "Песчаная икона — защитница на фронте", "Чудеса Великой Отечественной", "Звезда Героя на рясе монаха", "Русский офицер. Спасение в Беслане"...

Каждая глава — готовый сценарий фильма, где интересно, познавательно, захватывающе всё: место действия, незаурядные ситуации, герои, сочетающиеся в себе черты "парня из нашего двора" и былинного богатыря.

Сейчас, во время проведения СВО, особенно явна преемственность героизма наших воинов от героев русской истории, которым в книге посвящён раздел "Святые воины на Руси": "Святой благоверный князь Владимир Мономах", "Преподобный Илья Муромец", "Святой благоверный князь Александр Невский", "Святой благоверный князь Дмитрий Донской", "Александр Суворов", "Святой праведный воин Фёдор Ушаков".

Наши ребята на СВО не просто пишут историю, они делают нашу историю героической, победной.

Екатерина ГЛУШИК

ПОЛУДЕКАДАНС АННЫ

Чухлебова Анна. Вдовушка : роман. — М. : АСТ, 2025. — 288 с.

ПРИЗНАЮ, что странно писать об Анне Чухлебовой для "Завтра" или "Родной Кубани". Сборник рассказов "Лёгкий способ завязать с сатанизмом" (2023 г.) показал, что молодая женщина из Ростова строит литературную карьеру на выдуманных кошмарах, которые происходят в наглухо закрытых пространствах с пустыми героями. Владимир Сорокин или Михаил Елизаров могли бы увидеть в ней фанатку с волей к низовой наррации, но этого мало для обретения своего места в литературном процессе 2020-х годов.

Жесткий абзац написал только что! Я хотел по-другому. Когда вышел и встал на рекламные рельсы "Лёгкий путь...", подумал, что надо поддержать писательницу с юга России, в четырёх часах пути от Краснодар, наверное, филолога, дерзнувшую на такой эффектный заголовок. На телеграм-канал подписался, до сих пор с интересом слежу. Да и сборник рассказов — под посвящением, где Захар Прилепин с Алексеем Колобродовым упоминаются с благодарностью...

Возможно, это меня и разозлило. Давно говорю, что у сорокинцев и прилепинцев (при всех эпических различиях) есть удивительная связь через упоение телом, и в невозможности отвести свой художественный взгляд от плоти и её чудес Сорокин и "новые реалисты" иногда поют нечто близкое. В песнях этих Бог как-то пропадает, словно стесняется находиться там, где мат с инстинктом границы переходят.

Вот и Чухлебова в этом направлении успешно ищет, будто велят: субъекты премиальной политики рады такому раскрепощению. Чухлебова в текстах своих сквернословит много, искусственно, будто какая-то грязная закадровая тварь над ней плеть держит. Кто-то же должен подсказать почти юному прозаику, что это не "реализм", не "подражание мэтрам", не "искренность", а хохот нехороший — не с ней, а над ней, бедной!

Прекращайте, Анна! Вас обманули "мастера" разных согревающих и тренингов, "кучи" проектной литературности. Вы матерились в последний раз, чтобы послать их "по направлению к Свану"!

ПОЧТИ случайно прочитал маленький роман "Вдовушка". И доволен, что прочитал — правда, ушами: спасибо "Яндекс Музыке"! Не знаю, обрадуется ли моей радости набирающая литературный вес Анна, но получился хороший портрет — слава богу, что не всего поколения, но немалой его части — части, убегающей от духовной, идейной, мировоззренческой участи, стремящейся хилую свободу отторжения от любых больших истин нести как знамя осмеивающей себя победы.

Впрочем, о каком знамени я говорю? Их клавиатурные ручки, их офисные душонок, обманутые обещанием пожизненного глобалистского рая и стерильной кремации, никакой флаг вообще поднять не могут. Зацепованные проповедью о "любви к себе", о страхе перед монстрами архаичных "тоталитаризмов" мальчики и девочки, пипеточки

обоих полов — часто уже сединою, — стоят на охране своей самости, искоржённые оловянные солдатики дурной сказки о либеральных бонусах.

Об этих несчастных рабах поражений собственных отцов пишет Чухлебова в своей "Вдовушке". Это её поражение? Думаю, да. Она — такая? Может быть. Голос пипеточной части трудного поколения? Пусть так. Или иначе. Главное, что роман объективно рассказывает о том, как плохо и смешно быть приятно никакой, говорливой, подсысывающей через соломинку из как бы трагического коктейля — в масштабной социальной сети, где партнёр не очень-то и нужен. Достаточно самого себя.

Очень хорошо, что написала Чухлебова о любви. Как редко пишут наши авторы о любви! Я не буду пересказывать, потому что нечего пересказывать. Голова рассказчицы устроена так, что она не чувствует времени, не способна к кульминациям. Она может лишь зависать, постоянно проигрывая любой фабуле. Здорово, что автор решила создать книгу, которая уместается в пять часов звука с небольшим хвостом. Но, пожелай она в объёме сравняться с "Новой Элоизой", препятствий не возникло бы!

...Вот Джульетта наших дней. Она так любит Ромео, что сейчас умрёт — потому что умер Ромео. Логично. Без Ромео нет Джульетты. Но, пока не умерла от горя, она всё же спит с Тимуром и ещё с каким-то московским дядечкой по кличке Дуче. Так она преодолевает горе. Она переслала бы и с Сеней (сидели за одним столом на чужой свадьбе, поэтому сблизилась), но того — слишком юного — отогнала мама. И горе лишь усилилось.

Выясняется, что Джульетта (романное имя — Оля) много спала и до Ромео, которого зовут Гоша. А интереснее всего, что с Тимуром она была и во время всеобъемлющей любви с Ромео, пока он был ещё жив. Джульетта тут офисная никакушка. Но у неё есть симпатичное тело, и как-то ещё продержится — возможно, много лет будет привлекать трансформированных самцов. Хотя Джульетте уже за тридцать. А поначалу казалось, что совсем надутая — такой инфантилизм внутри и вовне. Тимур тоже никакой, но сделал жене уже третьего ребёнка. Значит, всё же сложнее. Чуть-чуть сложнее. И к Джульетте его тянет порою. Списываются, потом соединяются. И после Гоши-Ромео, и когда он был жив — тоже соединялись. Такая любовь.

Покойный Ромео — ещё один ноль на скайе и с изменённым сознанием, но часто менял причёски и на гитаре играл. Да и жалко его, ведь умер от тяжёлых лёгких. Джульетта старается помнить Гошу, хочет сказать что-то в зачёт его памяти (вот целовались тут и там, фильм смонтели, штаны с него во время онлайн-работы стачили или его старшую жену обсуждали), но понимает Оля, что вряд ли хватит её скромных усилий, да и самого Ромео маловато, чтобы помнили. Нечего помнить.

Надо мной стоит посмеяться, но всё-таки скажу: в "Ромео и Джульетте" дело не только в Ромео и Джульетте, там дело в том, что каждый выбегающий на сцену — ух, какая личность: Меркуцио и Тибальт, Кормилиция и Лоренцо. Как же прекрасны Монтеки и Капулетти! Как значительны даже бездарный Парис! Какие они все живые...

Да, у нас не Ренессанс. При чтении-прослушивании мне казалось, что в мини-романе вообще нет ничего. Кроме голоса Оли (сама Чухлебова классно озвучивает — акценты, смешки, надрывы с пустынями там, где надо), который не знает, что о себе рассказать интересного, и придумывает, что "Гоша умер". Гоша умер! А был ли Гоша вообще? А был ли скончавшийся дедушка героини? О нём примерно вот так: состарился — встал — поборился — вышел на прогулку — упал — умер. "Дед лежал холодным, я гоняла мух прутиком", — это всё о дедушке

А КТО И ЧТО есть у нас? У нас есть Михаил Шишкин (призан в РФ иноагентом). Он здесь при чём? Его роман "Письмовник" — старший брат "Вдовушки". Неважно, думала о нём Чухлебова или нет. Но почти уверен, что она хорошо знает компактный шишкинский маневр 2009 года — один из самых прочитанных текстов новейшей русской литературы.

Там двое симпатичных, прилично развитых словесников — Володенька и Сашенька — не просто разыгрывают драму своей любви или создают популярный "роман обо всём", но при помощи боевых архетипов (обезбоженный Иов и опустошённый Гамлет тут главные) славят речь, свет внутренних, душевно интимных движений и быт, как это у либералов принято, по всем метаисториям. Тело и война, Бог и государство — под ударом "антитоталитаристов". Сашенька вроде жива, Володя вроде нет. Но, как и у Чухлебовой, это не особо важно.

Формально в "Письмовнике" — размазанная по временам и пространствам речь (этакая "Вдовушка") о любви и её контекстах, а вот по сути — многолетний милитаризм современного гностика, платформа либеротерпения от того, что сейчас оформилось как русский ответ на наступление Запада.

Шишкин воюет, Чухлебова нет. Может показаться, что она пародирует "Письмовник" превращением пастернаковской энергии (Шишкин из видных живогопоклонников!) в кисель для поддержания вялой жизни современных пустышек. Да вряд ли. Потённая пародия очень трудное мероприятие!

Анна Чухлебова похожа на декадентку. Но лишь похожа! Декаданс требует эстетической мощи, эстетического центра, Ницше с Шопенгауэром, Бодлера с Сологубом, особая — конечно, тяжкой и гиблой — идеологии. В этом плане декаданс способен схватить полуспящую Олю и превратить хотя бы в нечто готическое — способное к рельефной дури и последующему извращению от неё. Рискованно так говорить! Но по сравнению с этими стаими Гош декадент смотрится не без эзичности и надежды!

А как насчёт милитаризма? Ведь отдалённо в романе что-то бухает и бахает, об СВО героиня печалится раза два. Например, так: раз мы пока живы, надо, надо... (скажем, жёстко спать друг с другом), сразу за этой мудростью рассказчицы к ней поступает информация о присоединении новых областей. Такая тут философия истории. Милитаризм и декаданс здесь нет. Угасать хотят тихо, лишь шурша телами в случайных постелях. Зато есть ожидание, что война рассосётся сама собой — примерно так, как исцел комед, забравший обречённого Гошу.

Алексей ТАТАРИНОВ

Шорохов Алексей. После войны. — М. : Яуза-каталог, 2025. — 416 с.

ВАЖНО: автор книги ничуть не скрывает свою личную правду о войне, которая далека от распространённых в медиапространстве — и враждебном нам, и российском — её трактовок: "Когда навещали в госпитале и приходилось о чём-то говорить, он чувствовал, что уже в самом начале обывденных, волнующих всех разговоров ему становилось неинтересно. Особенно когда его расспрашивали про войну. Здесь

его окружающих. Зато иллюзии, в том числе по собственному поводу, война не оставляет. Лишний раз подчёркивая правоту слов Достоевского: "А у кого нет народа, у того нет и Бога! Знайте наверно, что все те, которые перестают понимать свой народ и теряют с ним свои связи, тотчас же, по мере того, теряют и веру отеческую, становятся или атеистами, или равнодушными. Верно говорю! Это факт, который оправдается. Вот почему и вы все, и мы все теперь — или гнусные атеисты, или равнодушная, развратная дрянь, и ничего больше!" — слов, ушедших "в народ" в следующей форме: "Русский человек без Бога — дрянь, а не человек". Бывших русских (в том числе бывших советских) это касается в полной мере.

в реалиях "рыночных отношений" персонажа этой повести — бывшего однокурсника рассказчика, вписавшегося "за хорошие деньги" плюс "камушки" отстаивать в разных ролях интересы западных хозяев, но не выдержавшего зрелища разделки тесаком свежего трупа убитого "ниггера", которую по указке британского хозяина производит украинский (то есть бывший советский) наёмник, заподозривший свою жертву в краже алмаза ("Они, англичане, уже триста лет имеют Африку (или владеют Африкой — по-английски это одно и то же), и чёрных знают наизвоз...") и судьба его сестры, из российской безнадёги "святых девянострх" уехавшей воевать за Сербию против тех же "хозяев", — своего рода пролог к

Специальной военной операции по демилитаризации и денацификации "незалежной". "Понимаешь, ведь у нас (на Украине. — Авт.) тоже до войны так было! Сидели в офисах, обсуждали тряпки. Вот и досиделись".

То, что Алексей Шорохов в своей прозе, следуя традициям великих наших классиков, отрицает и "снимает" такой растительно-животный потребительский стиль существования, чего бы тот ни касался, — даёт надежду, что вся человеческая цивилизация, с её многотысячелетним опытом преодоления разных испытаний, исканий и свершений, — не бессмысленна и не безнадёжна. Уже большое дело по нашим временам.

Презентация книги на Московской международной книжной выставке-ярмарке состоится 4 сентября в 15:00. ВДНХ, Павильон 57. Второй этаж. Стенд L15-17.

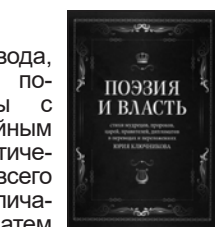
Георгий СУДОВЦЕВ

НЕОБЫЧНЫЕ ПОЭТЫ

Ключников Юрий. Поэзия и власть. — М. : Беловодье, 2025. — 800 с.

ПРОБЛЕМЫ перевода, особенно перевода поэтического, связаны с двойным или даже тройным сопротивлением лингвистического материала: прежде всего звуковой формы слов, отличающейся в разных языках, затем их семантических, смысловых полей, уникальных и не совпадающих между собой для каждого языка, даже близко родственного с языком перевода и, наконец, обусловленное этим различием сопротивление средств собственно поэтической образности. В результате идеальная "контрузность" перевода с оригиналом является на практике почти недостижимой, и редчайшие исключения из этого правила — такие, например, как перевод М.Ю. Лермонтовым стихотворения И.-В. Гёте "Ночная песнь путника" — лишь подтверждают это правило. Что же здесь говорить о переводах с нескольких языков?

Книга Ю.М. Ключникова "Поэзия и власть", содержащая переложения на русский язык стихов более чем ста авторов, оригиналы которых создавались на протяжении четырёх тысячелетий человеческой истории на десятках языков мира, изначально не касалась задачи такого идеального художественного "4D-копирования" оригиналов средствами перевода — можно сказать, что её целью стало выявление сущности не менее многомерного, чем поэзия, феномена власти: в самых разных по местам в пространстве и времени человеческих сообществах, с неочевидным, на первый взгляд, но всё-таки неизбежным переходом количества представленных стихов в качестве следующей из них мысли. Видимо, неслучайно смысловым центром книги представляются даже не сами стихотворные переводы автора, а его комментарии к юношеским, написанным на грузинском языке стихам И.В. Сталина, которые характеризуются переводчиком не только как самое мощное проявление поэтического, созидательного,

творческого начала в политике, но и как "главная фигура Победы над мировым злом в 1945 году", способная "уловить высшую волю Большой Истории и на сто процентов подчинить ей свою личную волю".

Художественным же центром её, на мой взгляд, являются блестящие переводы стихов Мао Цзэдуна (в своей поэзии "великий кормчий" открывается для русского читателя с самой неожиданной стороны), например, так, в стихотворении "Чанша", обращённом автором к своей "малой родине":

*По зелёному руслу великой реки
Целый день беспрерывно шумят челноки.
Наблюдая картины природы родной,
Величавой, могучей, спокойной, прекрасной,
Понимаешь — не мы управляем страной,
Кто-то более сильный,
премудрый и властный...
Вспоминаю далёкое время своё,
Споры долгие, юные страсти.
Так хотелось страну и её бытие
Подчинить нашей собственной власти!
Но житейские наши в пути челноки
Задержало течение великой Реки.*

К этому центру явно примыкают стихи аятоллы Хомейни и Радована Караджича — политиков, опиравшихся, как и Сталин, и Мао Цзэдун, на "незападные" (и во многом считающиеся "антизападными") традиционные культуры: русскую, китайскую, персидскую, византийскую. При этом признание со стороны Юрия Ключникова, как человека глубоко верующего, заслуживают только те поэты и правители, которые в своих словах и действиях следовали высоким нравственным идеалам и духовным ценностям, которые свою власть — и над словом, и над людьми — рассматривали прежде всего в качестве особого рода жертвы Богу, а вовсе не в качестве возможности для личного возвышения через унижение и уничтожение других людей. И это, как представляется, главная идея книги "Поэзия и власть".

Владимир ВИННИКОВ

ЛИЧНАЯ ПРАВДА О ВОЙНЕ

вообще ничего сказать было нельзя. Не потому, что военная тайна, а потому что не поймут. Параллельный мир. Они жили телевизором и телеграмом. Между победных реляций своей пропаганды и злорадных видео и фейков пропаганды вражеской. Правды ни там, ни там не было. Не было её и посередине, как гласит трусливая обывательская мудрость. Правда о войне была только на войне, поэтому люди, опалённые ею, сразу безошибочно находили друг друга в толпе".

Находили, как специально подчёркивает автор, ради того, чем только и жив человек: ради дружбы, любви и рождения новой жизни. "В этом очень важная особенность войны: она не сразу, но за один секунд, но обязательно всё расставляет по своим местам. Наверное, за этим война и приходит в наш мир, отделяя своих от чужих, и своё от чужого..." Эти метки "свой — чужой" расставляются непрерывно, порой внезапно, неожиданно и для самого человека, и для людей,